

12+

Сеславия Северэлла

ПОЕДИНОК

Сеславия Северэлла

Поединок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56826873

SelfPub; 2020

Аннотация

Восемнадцатый век. Казнь царевича Алексея. Реформы Петра Первого. Правление Екатерины Первой. Давно ли это было? А они – главные герои сего повествования обыкновенные люди, родившиеся в то время. Никто из них не знал, что их ждет. Они просто стремились к счастью, любви, и конечно же в их жизни не обошлось без человеческих ошибок и слабостей.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

58

Предисловие

«Кипучая преобразовательная деятельность Петра Великого, затронувшая так много интересов, нарушившая так много покоя, выбившая столь многих из рамок привычного исконного жития, заставившая одних усиленно служить, «не щадя живота», даже до смерти, других нещадно платить до полного оскудения, затрагивавшая домашний быт, верования и религиозные обычаи, подрывавшая все старинные московские заветы, вызывала резкое осуждающее отношение к себе у всех классов общества, так или иначе больно задетых Петром. Недовольных было много. То и дело срывалось у тогдашних людей слова горького осуждения и гнева с угрозами против царя самыми недвусмысленными. Начальник страшного Преображенского приказа воистину в крови купался, как сам доносил Петру, разбирая и пытая приведенных к нему по обвинению в слове и деле государевом. Дела Преображенского приказа рисуют картину всеобщего озлобления и ропота. Подметные письма, подкидные листы, обличительные послания собирались, чуть ли не со всех площадей тогдашних городов. Вокруг Петра и его дела создавалась действительно душная атмосфера слепого противодействия, что, в свою очередь, держало в постоянном боевом напряжении самого Петра. Это напряжение при его характере раздражалось подчас дикими вспышками, жестокими и

беспощадными кровавыми казнями, которые ко всеобщему успокоению тоже, конечно, не вели. Преображенский приказ в Москве, тайная канцелярия или канцелярия тайных розыскных дел в Петербурге (с 1718 г.) завалены были делами о непригожих речах, бунтовских словах, злокозненных поступках и письмах, явно политического характера, как мы теперь сказали бы. Все чувства озлобленных и недовольных Петром невольно обращались к его наследнику: не хорошо нам теперь, может быть, будет лучше потом; слухи, что наследник Петра, его сын, царевич Алексей, тоже недоволен царем – отцом, принимали очень широкое распространение; явно на площадях, тайком в домах толковали, что царевич окружил себя благочестивыми людьми и ведет борьбу с боярами, потаковниками незаконного подметного царя, чуть не самого антихриста. И, кажется, действительно Петр был мало любящим отцом по отношению к своему старшему сыну. Царевич Алексей родился в 1690 году и до восьми лет находился на попечении матери, царицы Евдокии Федоровны. Ещё мать начала учить царевича грамоте, поручив эту науку некоему Никифору Вяземскому, славившемуся как отличный грамотей и словесной мудрости ритор, умевший писать и говорить необыкновенно пышно и широковещательно, что тогда очень нравилось и считалось красноречивым. Монах Карион Истомин составил для царевича особый букварь со славянскими, греческими и латинскими буквами, причем на каждую букву даны были рисунки, сделанные и награвиро-

ванные мастером Леонтием Буниным. Эта азбука долго потом была в большом ходу у русских школьников первой половины XVIII в. Вяземский оставался при царевиче и после заточения царицы Евдокии в монастырь. Царевич был мальчик умный; сам Петр потом, когда уже настали тяжелые времена неладов, писал сыну: «Бог разума тебя не лишил». Он охотно учился, много читал, делал выписки из прочитанного, советовал учиться своим сверстникам. И от мальчика, обладавшего к тому же не очень крепким здоровьем, требовалось действительно непосильная деятельность: ему надо было одновременно и учиться, и практически проходить суровую школу солдата в виду неприятеля. Двенадцать лет от роду царевич Алексей в звании солдата бомбардирской роты присутствует при всех операциях по взятию Ниеншанца. В марте 1704 г., т.е. в 13 лет, он находится в лагере войск, осаждающих Нарву, и ведет себя, вероятно, не совсем так, как хотелось бы отцу. В начале 1705 года Гюйсен отправлен был за границу с разными дипломатическими поручениями, а царевич стал безвыездно жить в Преображенском, без всякого занятия, получая 12 000 рублей в год на прожитие. Эти годы до 1707 имели важное значение в жизни царевича в том смысле, что еще больше увеличили взаимное непонимание отца и сына. Царевич становился уже взрослым человеком. В 1707 году ему исполнилось семнадцать лет. Предоставленный почти всецело самому себе, он начал с 1704 года жить по своему вкусу. На него, как на наследника Петра, давно уже

обращались с известными упованиями и надеждами взоры всех тех, кто был недоволен Петром. Ещё стрельцы говорили с радостью, что царевич немцев не любит, а местоблюститель патриаршего престола, не без надежды увидеть когда-нибудь лучшее будущее, любил в своих проповедях обращаться с молитвенным воззванием к св. Алексею, призывая св. угодника сохранить тезоименника своего, «особенного заповедей Божьих хранителя и преисправного их последователя, нашу едину надежду». Сам недовольный, царевич искал общества недовольных и, конечно, находил: они сами шли к нему. При царевиче продолжали пребывать те самые «кавалеры» с учителем Вяземским во главе, с которым так неудачно для себя сражался Нейгебауэр. Самым первым и близким лицом царевичу Алексею становился в это время его духовник, протопоп Яков Игнатъев. Для царевича Алексея он сумел стать тем «собинным» другом, каким был одно время новгородский митрополит Никон для его деда. Яков Игнатъев, человек энергичный, умный, богословски образованный, за свое дело руководства царевичем в известных ему целях взялся по-никоновски. Протопоп сознательно воспитывал в царевиче мысль, что без батюшки лучше. А короткие наезды Петра в Москву, когда он требовал сына к себе и, нарушая его беспечальное житие, начинал экзаменовать по фортификации и навигации, эту мысль, что без батюшки лучше, только больше воспитывали в душе царевича и больше приучали его к ней. За границу девятнадцатилетний

царевич отправился с большой неохотой: он знал, что отец отправляет его туда, не только затем, чтобы он кончил там ученье, но и с мыслью женить его там на какой –нибудь иноземной принцессе. В Дрездене царевич продолжал учиться и в 1710 г. «выучил профондиметрию и стереометрию», покончив со всем с геометрией. Пока царевич учился и совершенствовался в языках, шли переговоры о его женитьбе на принцессе Софии – Шарлотте Бланкенбургской. 14 октября 1711 г., царевич Алексей, долго отпиравшийся от брака на иноземке, не переходившей в православие, был обвенчан с ней в саксонском городке Торгау. Царевич Алексей беспрекословно исполнял все приказания отца, разъезжал всюду, смотрел, бранился, даже дрался там, где замечал недосмотры по делам, но все это за страх, а не за совесть, сам опасаясь батюшкиных побоев и пользуясь всякой возможности отбыть от дела и от личного свидания с отцом. У царевича по отношению к отцу развивается прямо животный страх. По возвращении в Россию началась та же томная, тяжелая жизнь, что и прежде. В 1715 г. кронпринцесса родила царевичу сына, но сама не побереглась, заболела и умерла. Кажется, рождение детей сблизило супругов, и последнее время царевич жил со своей женой очень дружно. Тем горче и тяжелее было ему перенести её кончину. В это же время родился сын и у царицы Екатерины. Может быть эти два рождения, обеспечивавшие престолонаследие, заставили Петра поставить сыну ребром вопрос о его поведении, недостой-

ном с точки зрения Петра. И вот на шестой день по смерти кронпринцессы, в день её похорон, царевич получает от отца письмо озаглавленное «Объявление сыну моему». Царевич не ждал такого грозного послания и, не зная, на что решиться, поехал советоваться со своими доброхотами: графом Ф. М. Апраксиным да с князем В. В. Долгоруким. Обоим царевич сказал, что ожидает от отца всего наихудшего; чтобы спасти жизнь, решается отказаться от престола и просит обоих своих приятелей, чтобы они в разговоре с отцом уговаривали батюшку отпустить его в деревню на житье по конец живота безвыездно. Петр, кажется, не ожидал такого ответа. Ещё до поездки за границу близкие царевичу люди, предвидя неизбежное столкновение его с отцом, советовали ему воспользоваться случаем и подольше остаться за границей, чтобы быть подальше от отца. И царевич бежал. До декабря 1716 г. как-то не очень беспокоились его отсутствием. Но уже в половине декабря Петр убедился, что сын скрылся от него. 10 ноября 1716 года поздно вечером он прибыл в Вену. В Вене не очень-то дольны были возникшим делом, но в убежище царевичу не отказали и предложили ему, пока выяснится положение, поселиться в дальнем тирольском замке Эренберг. Царевич согласился. Петр потребовал выдачи сына. 26 сентября 1717 г. в доме вице-короля графа Дауна Толстой передал царевичу письмо отца, в котором Петр писал: «Обнадеживаю тебя и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу те-

бе, если ты воли моей послушаешься и возвратишься». «Мы нашли его (т.е. царевича) в великом страхе, – доносил Петру Толстой, – и был он того мнения, будто мы присланы его убить». 31-го января 1718 г. царевич был уже в Москве. На пути по России царевича встречали с большой честью, и толпы народа кричали: «Благослови, Господи, будущего государя нашего!» 3-го февраля состоялось в Москве первое свидание Алексея с родителем. Царь приказал собраться в ответной палате кремлевского дворца духовным сановникам, сенаторам, всяких чинов людям, и сам стоял в этом собрании. Вошёл царевич вместе с Толстым и, как только увидел государя, повалился к нему в ноги. «Встань, – сказал царь, – объявляю тебе свою родительскую милость». Царь вышел с сыном в другую комнату, и там царевич назвал ему своих сообщников. После этого царь велел прочесть приготовленный и уже отпечатанный манифест. По прочтению этого манифеста, царь сказал: «Прощаю, а наследия лишаю!». На другой день, 4-го февраля, царевичу было предложено письменно по пунктам ответить то, о чем он уже устно известил царя, т.е. о сообщниках. Царевич выдал Кикина, Вяземского, царевну Марию Алексеевну, князя Василия Долгорукова, Афанасьева и др. Названных им лиц схватили, началось следствие, пытки, доносы, опять пытки и, наконец, жестокие казни. Число оговоренных все росло и росло, и постепенно выяснялось на следствии, что царевич сказал многое, но не все. Это были все те же мечты о воцарении, когда умрет отец,

угрозы по адресу мачехи. Сделалось известным и то, о вероятности чего, правда, до нас дошли только слухи, что в Неаполе царевич обращался за помощью в Швецию, и шведский министр Гёрц уговаривал Карла XII пригласить царевича в Стокгольм и держать его там, как выгодный залог, с которым в руках можно бы выторговать кое-что существенное. Царь решил созвать особый верховный суд над сыном, умышлявшим на жизнь отца. Царевич был взят под стражу. Начался допрос. 19 – го июня царевича пытали по постановлению суда, дав ему 25 ударов кнутом. 22-го июня опять пытали царевича, 24-го еще раз, вынуждая все новые и новые показания, все глубже и непоправимее запутывавшие несчастного. 24-го же состоялся и приговор суда, гласивший, что «царевич Алексей за все вины свои и подданный его величества, достоин смерти». Подписали: князь Меншиков, граф Апраксин, граф Головкин, князь Яков Долгорукий, граф Мусин-Пушкин, Тихон Стрешнев, граф Петр Апраксин, Петр Шафиров, Петр Толстой, князь Димитрий Голицын, генерал Адам Вейде, генерал Иван Бутурлин, граф Андрей Матвеев, князь Петр Голицын, Михайло Самарин, генерал Григорий Чернышев, генерал Иван Головин, генерал князь Петр Голицын, ближний стольник князь Иван Ромодановский, боярин Алексей Салтыков, князь Матвей Гагарин, боярин Петр Бутурлин, Кирилла Нарышкин и еще сто три человека менее высоких чинов». 26 июня пополудни в 6-м часу, будучи под караулом в Трубецком раскате в гарнизоне,

царевич Алексей Петрович преставился. Так ужасно кончилась эта трагическая история борьбы слабого сына с сильным отцом. Но царевич Алексей долго еще жил, как знамя и символ противодействия, в памяти народа, в душах и сердцах тех, кто был в народе против Петра и его дела. Появились один за другим несколько самозванцев-царевичей. Пошли легенды, что вот скоро царевич Алексей соберет верных христиан и пойдет против войска отца. Самозванцев и рассказчиков слухов хватало, пытали, казнили».

Сергей Александрович Князьков «Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого»

«Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души, с душой родной -
их съединенье сочетанье,
и роковое их слиянье,
и ... поединок роковой ...»
Ф. И. Тютчев

Последний майский день 1726 года. Санкт-Петербург. Уже как более года, ранним утром 08 февраля 1725 года умер Петр Первый, и российская держава осталась без правителя мужчины. Теперь страну управляла женщина, императрица Екатерина Первая. Кто-то принимал её как закон-

ную правительницу, кто-то готов был смеяться ей в след, но именно она получила скипетр власти в свои руки. Екатерина, была грациозна и имела хороший вкус, хорошо танцевала и умела быть любезной. Все, что она понимала в управлении страной, сводилось к следованию замыслам её державного супруга, которые она обещала претворять в жизнь, и в этом ей должен был помочь Верховный тайный совет. Возможно, лучшее, что могла сделать необразованная чужестранка для России это оставаться верной замыслам своего мужа. И она оставалась верной. Новая государыня поспешила выполнить последнюю волю Петра, освободив многих политических заключенных, ссыльных и каторжан, пострадавших из-за его гнева. Этот жест монаршей воли призван был снижать симпатию своих подданных. И не только этот. Государыня любила увеселения, щедро устраивала всевозможные праздники для всех жителей столицы. Помня о том, что она вышла из бедности, Екатерина в промежутках между праздниками принимала всякого рода и звания людей с их просьбами о помощи, и старалась никому из них не отказывать. Также она охотно, если её просили, становилась крестной матерью, одаривая своею милостью очередного крестника. Она сострадала просящим у неё заступничества подданным, показывая себя не гордой правительницей, а заботливой хозяйкой. Между тем расслабившись после смерти беспокойного императора, знать стремилась управлять страной по своим правилам, для чего в феврале 1726 года и был создан Верховный

тайный Совет. И, конечно, одним из важных был вопрос о судьбе тайной канцелярии. 28 мая 1726 года после уговоров Петра Андреевича Толстого, Екатерина Пер-вая подписала указ, наконец -то упразднявший канцелярию тайных розыскных дел. Госу-дарыня повелела передать все дела в Преображенский приказ, возглавляемый на тот момент князем – кесарем Иваном Федоровичем Ромодановским, переименовав его в Преображенскую канцелярию. Но это упразднение не означало, что политический сыск был исключен из государственных интересов, он просто притих до времени на улицах молодого Санкт-Петербурга, которому уже исполнилось двадцать три года. Возраст надежд, планов и свершений. Этот юный город, 1703 года рождения с большими амбици-ями несся на всех парусах в будущее. В будущее, которое обещало много нового и доселе невиданного. Однако молодость есть молодость, и желание развлечений, свойственное этому периоду жизни, было в полной мере удовлетворено новой государыней. Молодой город часто веселился в маскарадах, фейерверках, военных смотрах и ассамблеях, будто желая с пользой использовать передышку, предоставленную ему историей.

Старенькая карета, мерно покачиваясь, катила по мостовой. Последний майский день был промозглым и пасмурным. Накрапывал дождь. И холодный ветер врывается в юный город, сурово остужая его тщеславные мечты. Молодая женщина двадцати шести лет, сидевшая в карете, задумчиво

смотрела вдаль. Ей было холодно, и её худенькие плечи слегка дрожали. Холод внутренний и холод внешний, заставляли ждать тепла, и поэтому она мечтала, как можно быстрее оказаться у теплого камина или печки. Но её желаниям не суждено было сбыться, по крайней мере, до вечера. Она сильнее закуталась в шерстяной серый плащ, успокаивая себя мыслями о том, что вот уже почти лето, и щедрое солнце непременно одарит её своей согревающей заботой. Но ветер все дул и дул, проскальзывая самыми сильными порывами сквозь щели старенькой кареты. А небо сурово собирало над городом тяжелые тучи, которые должны были сделать дождь бесконечным. Вдруг навстречу карете выскочил какой-то пьяный мужик, и стал хвататься за упряжь, пытаясь остановить лошадей. Кучер, не ожидавший такого поведения, сначала растерялся, но потом стал охаживать его плеткой и кричать.

– Прочь с дороги, совсем ополоумел что ли!

– И что за беда? – философски крикнул мужик в порванном грязном кафтане, – Ноне в Петербурге все полоумные! Вот царь то умер, а царица без мужа. Так я её за себя возьму, пущай мои портки стирает!

Дрожащая женщина прислушалась к разговору, и поняла, что мужика не уговорить. На громкие возгласы уже собралось несколько зевак.

– А её-то за волосы солдаты к нам притащили, трофей бают! – продолжал свой громкий монолог пьяный. – Ну и мы

этот трофей употребим по назначению.

Появление неожиданных зевак означало только одно, что если женщина не донесет на пьяного сейчас, то потом донесут и на неё, и на пьяного дурня. Всем было известно, что еще в 1715 году именным указом Петра Первого было велено истинным христианам и верным слугам своего императора и Отечества, без сомнения доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому государю или караульному сержанту о злом умысле против царского величества или измене, о бунте, казнокрадстве и прочих делах. В зависимости от важности и реальности преступления за донос можно было получить существенное вознаграждение от пяти до тридцати рублей. Кто ж устоит? Но молодой женщине не нужна была награда. Она просто не могла не донести. На её счастье недалеко находился караул, и несколько человек уже спешили ей на помощь. Когда они приблизились, дрожащая от холода женщина открыла скрипучую дверь кареты, и произнесла страшные слова того времени.

– Слово и дело государево!

Судьба пьяного была решена. Когда он увидел караульных, весь его хмель моментально выветрился, буйство прошло, он опустил руки, которыми так картинно размахивал во все стороны, и замолчал.

– Евдокия Федоровна, вы должны описать все в подробностях, – сказал знакомый женщине сержант.

– Да я напишу. Не сомневайтесь. Только позже. Я спешу.

– Как зовут-то тебя, неугомонный дурень? – строго спросил сержант.

– Егорка.

– Какого сословия?

– Мещанин.

– Кнутом плутов посекаем, да на волю отпускаем, кажется, так любит говорить наш граф Толстой, – улыбнулся молодой мужчина.

Поникшего Егорку схватили и увели. «Вот, – подумала женщина, – что проку, что жаль тебя глупого, будешь допрошен и бит кнутом. Но Петр умер, а потому, возможно, вырезать ноздри тебе не станут». Женщина закрыла дверь, и вздохнула. Её худенькие плечи снова передернул приступ дрожи. Через некоторое время она уже подъезжала к Санкт-Петербургской крепости¹. Она вышла из кареты, и поспешила навстречу караулу крепости, где остановилась, достав из шерстяного кошелька, шитого серебром, некую бумагу с сургучной печатью, после чего её беспрепятственно пропустили на территорию крепости. Путь её лежал через Петровский мост² и Петровские ворота, где Евдокия всегда останавливала свой взгляд на деревянной статуе апостола Петра с двумя ключами. Но сегодня она смотрела на деревянное панно, на котором было изображено низвержении Симона – волхва апостолом. Эта резная картина иногда навевала ей

¹ Петропавловская крепость

² Иоанновский мост

мысли о том, что рано или поздно, но добро победит, как бы изощренно не выглядело при этом зло. Но сегодня ей не помогло даже это победоносное зрелище. Путь её лежал к Зотову бастиону, в котором находилась канцелярия Тайных розыскных дел, недавно присоединенная к Преображенскому приказу, переименованному в Преображенскую канцелярию. Бастион, в своё время, был построен под началом воспитателя Петра Первого московского думного дьяка Аники-ты Моисеевича Зотова, в честь которого и был назван. Каждый раз, идя до боли, знакомым путем, она сначала подходила к собору в честь святых Петра и Павла, крестилась и смотрела, как каменные стены возводятся вокруг деревянного здания, и уже практически закрыли его. Иногда ей казалось, что это похоже на её собственную жизнь, когда кровавые раны души, покрываются со временем засохшей коркой усталости от страданий, что дает иллюзию спокойствия, и забвения. Вот и теперь она немного постояла, глядя то на храм, то на небо, в котором через тяжёлые тучи пробивался слабенький лучик солнца, и медленно направилась к Зотову бастиону. Казематы Зотова бастиона давно уже стали местом заточения врагов престола, Отечества и веры православной. Первыми там оказались виновные по «Ревельскому» адмиралтейскому делу о казнокрадстве. Впрочем, среди узников были самые разные люди. И Евдокия знала, что в феврале в крепости умер некий Иван Посошков³. Она виде-

³ Иван Тихонович Посошков (1670 г. – 1726 г.) русский мыслитель, публицист,

ла на столе у одного канцеляриста, что в его дело была подшита «Книга о скудости и богатстве, сие есть изъявление от чего приключается скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается». Молодая женщина тогда подумала, что верно этот человек написал что-то ужасное, но ей все равно было жалко его, оттого, что он умер в застенке, не дождавшись правого суда и свободы. Молодая женщина поёжилась, это ей пришлось посмотреть в сторону Трубецкого бастиона, и её сердце замерло, все еще ощущая острую боль и предательский страх. Да на неё сурово смотрел так называемый Трубецкой раскат, в котором мучился от пыток с пристрастием сам царевич Алексей Петрович. Трубецкой раскат место, где пытали и допрашивали всех, кто, по мнению Тайной канцелярии, умышлял что-либо против государя и Отечества. Кто знает, сколько людей здесь приняли муку по вине или по наветам? Оттого бастион этот выглядел в глазах хрупкой женщины очень мрачным местом. Евдокия смахнула набежавшую слезу, как ей забыть, что здесь было с ней, и что здесь от пыток умер её муж. Да, два года как уже в этом бастионе склады, мастерские и жилые помещения Монетного двора, но для пыток оставили два каземата. Женщине пришлось сделать усилие над своими эмоциями, и ускорить шаг. Дойдя до нужной двери Зотова бастиона, она попала в темный коридор, в котором разговаривали двое канцеляристов, и видно, что старший из них учил новенького.

– Читал? – спросил старший младшего.

– Да. Мудреное оно, это краткое изображение процессов и судебных тяжб⁴. И запоминается плохо. Пишут, что челобитчику надлежит свои жалобы исправно доказывать. А я так думаю, что не всегда у людей доказательства есть, да и во многих делах, виновные любыми путями свою вину утаивают.

– На то и изображение писано, дабы мы знали, как поступать с виновным, и пытку употребляли в делах видимых, в коих есть преступление. Судья учиняет расспрос с пристрастием, когда оный повинится не хочет, и перед пыткой всячески отпирается. И что за беда, что вину утаивают, нужно их сначала допросить и допросные листы составить. А после и пыточные речи записать. По моему опыту битье кнутом и дыба многие дела помогает распутать. Строптивые заключенные всегда становятся такими любезными, что тебе ничего и делать-то не надобно. Говорят без устали, а подканцелярист пиши, да пиши.

– Хорошо, что мы канцеляристы до пыточных дел не касаемся, – сказал новенький.

– Знаешь что, ты зря так, сам государь Петр не брезговал этим ремеслом. И для судей указывал, чтобы жестокую пытку употребляли умеренно, с рассуждением.

⁴ Вышло в апреле 1715 года вместе с Артикулом воинским, являясь по своей сути военно-процессуальным кодексом, устанавливающим общие принципы розыскного процесса

– Да. Вот и я так полагаю. Что у судей да секретарей рассуждения больше чем у меня. Когда они в особливом месте, называемом застенок, каленым железом правды доискиваются, – сказал несколько испуганно новенький канцелярист.

– Этот народец в застенке любит речи свои менять. Оттого положено три раза пытаться, пока одинаковых речей не скажет. Вот царевича Алексея в первый раз пытали двенадцать часов, но показаний своих он не изменил, – со знанием проговорил опытный канцелярист.

Неожиданно говорящий канцелярист обратил внимание, на стоящую в стороне, молодую женщину в сером шерстяном плаще и коричневом шерстяном платье.

– Евдокия Федоровна, голубушка, а ваш знакомый занят, никого не принимает. Вы бы уж обождали, сударыня.

Евдокия, понимая, покачала головой, пытаясь унять дрожь. Ожидание её было не долгим. Из двери опротя выскочил знакомый ей человек – Крекшин Дмитрий Осипович. Евдокии вдруг вспомнились его трясущиеся руки, которые записывали её допросные речи. Он тогда, на её глазах, несколько раз ронял перо, и один раз неловким движением разлил чернила, за что получил увесистую оплеуху. Крекшин, как всегда стремительно прошел мимо, не обернувшись на женщину, и не считая нужным здороваться с ней. Впрочем, он заметил её, и незаметно собрал пальцы правой руки в кулак, вспомнив, как однажды в дни сыска по делу царевича Алексея, один важный вельможа, сжал

ему эту самую руку до боли, тихо произнес ему на ухо: «Не смей». Как быстро проходит время. Страх тоже уходит с ним. Крекшин не жалел о прошедшем, он смог этим воспользоваться в полной мере, и эта хрупкая женщина принесла ему ощутимые дивиденды. Уж в этом он был мастер. Тем временем, в бывшей Тайной канцелярии царила некоторая растерянность. Еще бы, только три дня назад был подписан указ об упразднении Канцелярии Тайных розыскных дел, но конкретных указаний еще не поступало. Все ждали прибытие князя Ивана Федоровича Ромодановского, но он медлил появиться. В ведение Преображенской канцелярии по реестру предстояло передать все дела, которые расследованы, и на счастье канцеляристов их было не много. В момент такой неразберихи, когда секретарь Тайной канцелярии Иван Иванович Топильский готовился к переводу на должность секретаря канцелярии Верховного тайного совета, всеми делами негласно заведовал управляющий – советник Екиманов Семен Андреевич, курировавший тайных агентов канцелярии и разных доносчиков. За его спиной шептались о том, что он родственник обер-прокурора сената Скорнякова-Писарева. Но Екиманов о том молчал. Зато некоторым было известно о его переписке с управляющим – советником Канцелярии рекрутного счета, обретающейся в Москве от дел Тайной розыскной канцелярии⁵ Казариновым Василием Григорьевичем. Но то было дело государево.

⁵ Московское отделение Канцелярии Тайных розыскных дел

Евдокия проводила взглядом, уходящего Крекшина, и вошла в комнату. Перед ней предстал, уже давно ей знакомый мужчина лет сорока, обаятельный и отличавшийся безукоризненными манерами человек с очень цепким, пытливым и жестким взглядом – Екиманов Семен Андреевич. Он был из породы людей, кто умеет методично уничтожать тех, кто спрятаться не успел или не смог, но службу свою выполняет исправно и с усердием. А в выгодах для себя имеет выполненный долг и удовлетворенные тайные интересы.

– Евдокия Федоровна, что-то вы не жалуете нас своими посещениями. Что же голубушка нам поведаете? Все ли сделано вами, как велено?

– Все, как велено, – неохотно отвечала Евдокия.

– И что? Светлейший князь наш Александр Данилович, живота своего не щадит, дабы верою и правдою служить государыни. А вы не можете вызнаться такой малости. Мы с вами выполняем грязную работу, голубушка, ищем и изводим врагов государевых. Помните об этом.

- Я приложу все усилия.

– Да уж приложите, матушка. У вас есть точные указания. Пешки должны быть покорны и усердны. А ежели, строптивость решите проявить, то мы вам напомним, как кнут и дыба делает всех добрыми государевыми слугами. Ступайте! – недовольно, глядя исподлобья, проговорил Екиманов.

Евдокия медленно встала, пытаясь справиться с приступом страха. Ей становилось дурно от одного воспоминания

о днях минувших. Она вышла из здания Зотова бастиона в расстроенном состоянии, не помня, как дошла до своей кареты и села в неё. Кучер, зная, что хозяйка приходит часто грустная, не дожидаясь команды, поспешил увезти Евдокию подальше от Санкт-Петербургской крепости. Евдокия немного успокоилась, и задумалась. И в эти раздумья вкрались воспоминания. Каким солнечным и теплым было начало сентября 1716 года. Тот редкий момент, когда генерал-адмирал Апраксин неожиданно прибыл домой. Он был изрядно измотан, поскольку уже долгое время руководил крейсерскими операциями русского флота против шведов в Финском заливе. Но Петр Первый вызвал его в Петербург, и у него появилась возможность немного отдохнуть в своем любимом доме, спроектированном Доменико Трезини, и в 1716 году, перестраиваемом уже в третий раз. Работы по перестройке дома были почти закончены, и хозяин, оказавшись в Петербурге, придирчиво осмотрел получившийся результат. Ему доложили, что его соседи Ягужинский и Чернышёв тоже приходили посмотреть на работы, и остались под впечатлением. Но тогда, для юной Евдокии этот сентябрьский день стал памятным на всю её жизнь, не только потому, что домой вернулся отец. Апраксин, желая показать свой дом-дворец во всей красе, затеял богатый прием. До принятия указа Петра Первого «О достоинстве гостем, на ассамблеях быть имеющем» оставалось два года, но это никого не останавливало в желании организовать празд-

ник. Конечно, первым кто увидел этот перес-троенный дом, был государь, но на следующий день, или вернее вечер были приглашены разные знакомцы Апраксина, которых в доме-дворце почивали приказной и померанцевой водкой во внушительных стаканах. В отличие от князя-кесаря Федора Ромодановского, где данцигскую водку подавал ручной медведь, генерал-адмирал любил угощать сам, и пока не уговорит иного гостя, не отступит. Федор Михайлович в любом деле был увлекающимся, напористым, азартным человеком, возможно, поэтому под его командованием в знаменитом Гангутском сражении⁶ с таким треском были разбиты шведы. Юной Евдокии нравилось смотреть на это странное действо угощение очередного гостя водкой, которое кончалось радостным возгласом отца и троекратным целованием. Кто была она в этом роскошном доме? Это случилось, когда Федор Михайлович руководил строительством кораблей в Воронеже. Там он столкнулся с некой девушкой Дарьей, отец которой был из непашенных крестьян⁷ – ремесленников и трудился на вер-фи. Дуня была их незаконнорожденной дочерью. Позже, когда этот дом был построен еще только из дерева, Федор Михайлович взял Дарью с дочерью в дом служанкой. У него не было иных законных наследников, и государева служба занимала много времени, поэтому

⁶ 27 июля (07 августа) 1714 года день победы русского флота над шведами у мыса Гангут

⁷ Крестьяне, которые не занимались земледелием

в очень редкие минуты отдыха Апраксин не гнушался разговаривать с Дуней о разных вещах. Она была смышленной, и сама выучилась читать и писать. По отцовской милости ей было разрешено пользоваться его библиотекой. За что юная Дуня всегда была благодарна. Там в этих книгах, она открыла для себя целый мир, пытаясь читать не только на русском, но учить другие языки. И вот, в этот сентябрьский день 1716 года, ей было позволено присутствовать на приеме, который устроил Федор Михайлович. Дуня тихонечко наблюдала за гостями из-за бархатной шторы. Тогда ей было всего шестнадцать лет. Большое количество гостей смущали юную душу. Но любопытство брало верх. А платье, которое было у неё на такой случай, казалось ей прекраснейшим нарядом, и ничего, что оно скромное серое шерстяное платье с цветным шитьем, пошитое с учетом моды. Для неё это был настоящий праздник. Звучал англес, затем контрданс, кто-то расположился на резных стульях для разговоров, несколько человек весело танцевали, слышался смех, шутки. Молодых женщин было не много, но они украшали прием своим грациозным и нарядным видом. Дуне тоже хотелось танцевать, но она смущалась, оставаясь в своем убежище за шторой. Вдруг в зал вошли двое. Один стройный двадцати двух лет черноволосый молоденький мужчина с точеными изящными чертами лица в черном новом гродетуровом кафтане с золотым шитьем, и другой лет двадцати четырех, высокий, юркий с какой-то особой внутренней усмешкой витающей вокруг него.

Заметно было, что его кафтан без шитья поношен, но чист. В этот момент в Дуне разыгралась отцовская кровь, и она почувствовала в себе азарт, и откуда-то, взявшуюся храбрость. Дуня опрометью подлетела к столику с померанцевой водкой, схватила два стакана, поставила на серебряный поднос и поспешила к пришедшим, пока её отец был занят другими гостями. Корсет помогал ей справиться с волнением, но все придуманные ею слова приветствия тут же разлетелись, когда она подняла глаза на незнакомца в черном кафтане с золотым шитьем. Он был восхитительно красив и юн. Взгляд его серых глаз смотрел из-под длинных черных ресниц. Молодой мужчина лукаво улыбнулся, своей красивой безупречной белозубой улыбкой, явно наслаждаясь, произведенным впечатлением.

– Как зовут? – спросил он юную девушку, принимая стакан водки.

– Дуня, – тихо произнесла девушка, окончательно смутившись, и обратив внимание на презрительный взгляд сотоварища мужчины. Этот человек с особой усмешкой в уголках тонких губ вызвал в ней чувство брезгливости, как если бы она видела перед собой нечто мерзкое. Он, тоже помедлив, взял предложенный стакан.

– Ну же, Димитрий, ты совсем смутил её! – произнес весело Иван.

– Вот еще! – Крекшин был воплощенное презрение.

Истомин загадочно посмотрел на Дуню, в его серых кра-

сивых глазах тихо горели задорные живые огоньки.

– Зови меня Иван. Пойдем танцевать.

Он вручил свой не выпитый стакан другу, и увлек взволнованную Дуню в звуки алеманда, оставляя своего приятеля Димитрия в одиночестве, чем, впрочем, тот не очень тяготился. Девушка во все глаза смотрела на Ивана, ей тогда показалось, что этот человек внесет в её жизнь смысл, пока вовсе неведомый, но особый и желанный. Они протанцевали весь вечер. Апраксин был занят гостями, и не слишком обращал внимание на то, что делала Дуня. Что же было потом? Велигорова следила за домами, скользящими за окном кареты. Женщине не хотелось вспоминать, это приносило боль, ровно старую рану опять безжалостно раздирали острые шипы. А потом. Потом все потонуло в радужных мечтах юного сердца. И вот она опять танцует с Истоминым на маскированном балу. А вот они на Троицкой площади подле Петровского моста, заглядывают в харчевню под названием «Торжественная аустерия четырех фрегатов», в которую любил заходить сам Петр Первый. Здесь собирались мастера и офицеры поиграть в карты, покурить трубки, выпить пива и пропустить стопку водки. Дуне было любопытно поглазеть на разных иностранцев, а Ивану забавно. Он открыто посмеивался над ней, шутил, подтрунивал, над её непосредственной природной любознательностью. Велигорова закрыла лицо рукой, ей показалось, что это была другая жизнь, и другая она. А может это сон? В памяти Евдокии проносились вос-

поминания, и лицо только одного человека – Истомина, виделось ей ярче всех остальных. А в это время незаметно подкрался весенний майский полдень. Он накрыл город шатром спокойствия, и все затихло. В этом спокойствии, в небольшом доме князей Сегорских пожилая женщина читала книгу девушке.

– Во-первых, наипаче всего должны дети отца и мать в великой чести содержать. Без спросу не говорить. А когда и говорить случится, то должны они благоприятно, а не криком и ниже с сердца, и с задору говорить, не яко сумасброды,— засыпая, произносила Прасковья Тихоновна. Тетушка задремала за книгой. Софья поднялась с кресла и поспешила к окну. Что она хотела там увидеть? Девушку не помышляла о том, чтобы посмотреть столичные достопримечательности. Не для этого она приехала в столицу из Великого Новгорода. Её неукротимый нрав с авантюрной ноткой жаждал кипучей жизни. А где же можно получить такую жизнь, конечно в городе, который молод, также как и ты. Но она была моложе этого города, ей было только девятнадцать лет. Софья оглянулась на шум. Это из рук тёти упала книга. Прасковья Тихоновна, сухощавая пожилая женщина, жила вместе с молодой племянницей, заменяя ей родителей, так как та рано осиротела. Соня подумала о том, что где-то там находится дворец светлейшего князя Меньшикова. На завтра там её ждал прием. Он проводился для молодых, только вступающих в жизнь особ, и немногих близких к семье

приглашенных. И как было сложно получить такое приглашение. Но тетушка постаралась на славу. В углу на маленькой лавке стояли новенькие туфли из парчи на высоком каблуке. Софья с гордостью обернулась посмотреть на них. Они говорили о том, что её мечты начинают сбываться. Там, далеко отсюда она долгими ночами мечтала о любви, и другой интересной жизни. Ей очень нравился девиз: «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому». Особенно в части женщины, а где, как не в новой столице можно найти тех, кто отдаст ей своё сердце, из которых она выберет лучшего. Софья знала себе цену, и давно решила для себя, что поскольку она красивая, статная, в меру корпулентная⁸ девушка, из знатного рода, то она не упустит своего, и череда любовных побед заполнит её жизнь. А пока она подготовится, и даст всем фору на этом приеме. Новый день наступил быстро. Ассамблея, устроенная женой князя Меншикова была приятным мероприятием для знатной молодежи, и друзей семьи. Это придавало приему непринужденность, поскольку высоких чинов не наблюдалось на радость светской публике. Когда был жив Петр Первый ассамблеи должны были проводиться у всех придворных по очереди. Дата и время сообщались глашатаями с барабанным боем, а объявления развешивались на каждом перекрестке. Чтобы быть придворным человеком и устроить ассамблею у себя в доме, требовалось наличие просторных комнат, своего погре-

⁸ Полная

ба и кухни, а также необходимо было иметь запас спиртного, выписанного из-за границы: голландской анисовой водки, венгерского, бургонского вина, вина «Эрмитаж» и шампанского. Согласно Указа Петра Первого от 25 ноября 1718 года⁹ бал-ассамблея должен был начинаться ближе к вечеру, его нельзя было начать ранее пяти или четырех часов, и веселиться можно было до десяти часов по полуночи. Для ассамблеи освобождались четыре комнаты, в одной вели беседы, в другой играли в шахматы и шашки, в третьей танцевали, а в четвертой пили вино и курили. Однако, в тех дома, где было мало комнат, всех собирали в одной, испытывая неудобства. Веселье поощрялось, а упитых велено было складывать бережно. Но после смерти государя, регламент проведения ассамблей иногда нарушался. И знатные семьи позволяли себе проводить более частные приемы без приглашения государыни и всех придворных. В этот раз фрейлина государыни Аграфена Петровна Волконская уговорила жену князя Меншикова Дарью Михайловну и её сестру Варвару провести очень частную вечеринку, пригласив в свой дом более молодежь, чем важных особ. Тем более, что другая ассамблея в доме Павла Ивановича Ягужинского была устроена для Екатерины Первой, и Александр Данилович Меншиков собирался присутствовать там. Сказано, сделано. Тетушка Софья хлопотала не зря, и вот уже Софья, блистая голубым атласным нарядом с серебряным шитьем, выгодно подчер-

⁹ Указ Петра 1 «О достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющему»

квивающем её фигуру, со своей тётушкой поднималась по дубовой лестнице, по которой, как известно, ходил сам Петр Первый, но что ей до этого. Попав в ярко освещённый многолюдный зал Сегорская осмотрелась. Увиденное вызвало в ней неподдельный восторг. Когда она выберет для себя достойного мужа, у них обязательно будут такие хоромы, пора с пользой потратить состояние князей Сегорских. Тем временем в комнатах прохаживались и болтали столичные щёголи и повесы, выкормленные Петром светские молодые дамы и юные девушки. Софья оценивающе оглядела дам и девиц, как бы пытаясь понять, кто может быть конкуренткой её красоте. Её наблюдения показали, что, возможно, она самая красивая девица на этом празднике. Княжна улыбнулась сама себе. В этот момент в зал вошел молодой лет двадцати пяти, дерзкий на вид светский щеголь. Всё до последней пуговки говорило о неуклонном следовании их хозяина последней моде.

– Посмотри, Соня, – зашептала Прасковья Тихоновна, – это князь Алексей Лецкий, бестыдный щеголь, живёт по казённой надобности по заграницам, а сюда наезживает младых девиц соблазнять. Он тебе не пара.

Софья посмотрела на Алексея, не понимая, красив он или нет, и стоит ли обратить его внимание на себя. Но странно, хоть и Лецкий не произвел на неё должного впечатления, девушку посетило чувство важности этой встречи. Но это был

лишь миг. Князь Лецкий тоже безразлично посмотрел на Софью. Она показалась ему достаточно привлекательной, но и только. Её лицу не хватало какого-то очарование и нежности. Лецкий отвернулся от княжны Сегорской, потом опять посмотрел на неё, чему-то внутренне улыбаясь. К нему подошла девушка в синем платье, что отвлекло его внимание, и он удалился со своей собеседницей из зала. Всех позвали к обеду. Софья, понимая, всё неприличие своего поведения, незаметно выскользнула из зала, обежала удивлённого слугу, и стремглав понеслась по парадной дубовой лестнице. Это произошло от волнения и радости. Ей польстил внимательный взгляд Лецкого, и оттого её потаенные мечты вызвали в ней радость от предвкушения приключений. Ей хотелось на воздух. Коснувшись ножкой последней ступени, девушка с размаху налетела на мужчину, собирающегося подняться по лестнице. Она упёрлась лицом в его новенький с иголки камзол, шитый золотом. Софья отшатнулась, не смея от неожиданности поднять взгляд.

– Ах, простите меня, сударь, – тихо произнесла Софья.

Последовало молчание, что заставило Софью поднять свои лучистые голубые глаза на стоящего. Она замерла, понимая ошибочность свою поступка, так как теперь было трудно отвести взгляд от незнакомца, очарование внешности коего обволакивало Соню целиком. Такое странное очарование напоминавшее прикосновение загадочного лунного света. Он был слишком бледен, и видимо в меланхолии, но

потрясающе красив и статен. Мужчина уголками губ слегка улыбнулся, и не спеша с достоинством, поднялся по лестнице под пристален взглядом Софьи. Этот моложавый лет тридцати двух красивый великосветский щеголь внушил ей такие неожиданные чувства, о коих Софья мечтала ночами, но не ожидала, что это случится так скоро. От нахлынувших эмоций Софья ощутила эйфорию. Вот они, её приключения! И, это оказалось легче, чем она полагала. Стоит ей только захотеть, и весь Петербург падет к её ногам. Но ей пришлось унять волнение, и выскользнуть на улицу под июньское, безмятежное небо. Сделав несколько глубоких вдохов и постояв немного, Софья украдкой вернулась, и села за стол рядом с тетей с самого края. Закуски и вино уже были расставлены.

– Сонюшка, разве можно вести себя так, стыдно молодая девица, – пожурила племянницу Прасковья Тихоновна.

Софья промолчала, думая о незнакомце, встреченном ею на лестнице. После обеда многие поспешили приступить к танцам, ведь музыканты начали играть менуэт. Тетя что-то говорила племяннице, но Софья не слушала её, глаза её следили за изяществом танца. В этом великолепии она поймала пристальный взгляд своего незнакомца. Незнакомец, насколько позволял танец любовался молодой Сегорской. А она, поразмыслив, отвернулась, подумав, что так этот мужчина больше будет заинтригован ею, и сочтет её хорошо воспитанной девицей. Танец продолжался, когда в зал тихо вошла молодая худенькая женщина в темно синем скром-

ном платье. К ней на правах хозяйки сразу же подошла Варвара Михайловна Арсеньева. Ей было около пятидесяти лет. И она давно охотно покровительствовала Велигоровой. Она была очень образованной женщиной, знала математику, языки и историю, имела ораторские способности и обладала природной общительностью и дружелюбием. Но у неё был существенный недостаток, она была дурна собой, и слегка горбата. Однако это не помешало ей стать в свое время любовницей самого Петра, и фрейлиной Екатерины Первой. С Велигоровой же Варвара Михайловна любила беседовать, и с удовольствием принимала участие в её жизни, на правах наставницы и друга.

– Дунюшка, я рада тебя видеть. Моя душечка, опять грустна. Пойдем, я попотчую тебя хорошим вином, и кое с кем познакомлю.

– Вы всегда так добры ко мне, Варвара Михайловна. Вы мой добрый ангел.

– Пойдём к Анне Даниловне. Этот португалец, между нами, совсем позабыл жену. Если бы не государь наш Пётр Алексеевич, не видать бы Девиеру нашу Аннушку, как своих ушей, – Арсеньева хитро прищурилась.

Евдокия последовала за Арсеньевой. Менуэт окончился. Зазвучали аккорды польского. К Софье Павловне подошел довольный Лецкий, отвешивая ей чинный поклон, и приглашая на танец. За спиной девушки зашикала тётка, но Соня не была бы княжной Сегорской из рода князей Белозерских,

если бы не сделала по – своему, и потому она приняла предложение. Это так заманчиво, как будто рвешь запретный плод.

– Разрешите представиться, князь Алексей Семёнович Лецкий, – Алексей поклонился.

– Княжна Софья Павловна Сегорская.

– А вы верно здесь впервые? – спросил молодой человек.

– Да. Я долгое время жила в Новгороде.

– Тогда вам просто необходимо выучить кеттентанц. Его придумал сам покойный государь.

– А вы, верно, хотите стать моим учителем? – Софья льстило внимание Лецкого.

– Охотно.

Молодые люди устремились танцевать. Лецкий очаровал Софью своими манерами и шутками, они сыпались из него, как из рога изобилия. Он льстил ей приятными комплиментами, и в них чувствовалась осведомленность начитанного человека.

– Вы очаровательно танцуете.

– Неужели? – наигранно удивилась Софья.

Она чувствовала, что хочет играть, показать себя с самой выгодной стороны, и эти мысли приводили её в трепет, заставляя глаза загадочно блестеть. Что ж Лецкий не прочь был подыграть. Он хорошо чувствовал эту девушку, а она пленялась его обходительностью и дурашливостью. Это было так забавно, но не глупо. Легко, но не легкомысленно. Иг-

риво, но не разнузданно, словно где-то была выставлена мера правильная и обдуманная.

– У ваших ног будет весь Петербург.

Сегорскую развлекала откровенная лесть, это её первая победа, которая принесет ей еще большую. Софье стало очень весело. Да и танцы, приносили ей столько радости. Как хо- рошо быть Софьей Сегорской! Виват тебе княжна!

– Ведомо ли, вам, что государь наш Петр Алексеевич любил торжественные шествия и маскированные балы. Вот, к примеру, лет одиннадцать тому Зотов Никита Моисеевич вздумал жениться. Государь уперся по началу, не согласен мол, да тот требовать, но и пришлось ему уступить своему учителю. И в пятнадцатом году сыграли свадьбу. Ну, была потеха. Составили список приглашенных, где и указали, что того не забыть пригласить, кто пятнадцать дней чижики при- скивал, да не сыскал. Не знаю, может ли он сыскать, куда чижики устремляется, туда и гости призываются.

– Да нечто сие можно запомнить? – изумилась Софья.

– Запомнить?! Вообразите, ходили по домам и говорили сие приглашение четверо заик. Говорят, преуморительное было зрелище.

Сегорская не сводила глаз с Алексея, томно улыбаясь ему, и играла, упиваясь своей красо- той и молодостью. Между тем незнакомец, встреченный Сегорской на лестнице, после менуэта, беседовал со своим давним другом Димитрием Крекшиным, который как-то внезапно возник на этой ассам-

блее, наблюдая за происходящим. Все кто нечаянно смотрел в его сторону, как на стену, натыкались на жесткий презрительный взгляд, после чего поспешно отворачивался. Крекшин покровительственно поглядывал на Истомина. Тот был не в духе. Его идеальные черты лица, казалось, подернулись инеем.

– Димитрий, я дурно поступил, вняв твоему совету.

– Иван, хватит жить прошлым. Тебе не идет эта меланхолия и мрачность. Я спас тебя тогда от государева гнева, – уверенно произнес Крекшин. И потом ты забыл, зачем мы сюда пришли. Смотри, какой цветник. Тебе мой друг давно пора жениться.

– Прошлое не оставляет меня.

Истомин не знал, куда деть руки, ему, вероятно, хотелось, несколько картинно прижать их к своей груди, но он только теребил ими полы новенького камзола.

– Ты не справедлив к себе. Женщины ветрены и непостоянны, стоит ли о них так печалиться, – голос Димитрия говорил о том, что хозяин устал от разговора.

Тем временем, польский танец плавно перетёк в англес. Софья наслаждалась обществом Алексея и весь мир, казалось, играл радужными переливами. Пока Истомин беседовал с другом, ему удавалось наблюдать за Софьей, подходящей к тете после англеса. Крекшин присмотрелся к Истомину, и к тому, на кого тот внимательно поглядывал. Когда он, наконец, понял, то улыбнулся и решил вмешаться в ситуа-

цию.

– Это княжна Сегорская. Хороша, Иван, хороша, как утренняя заря. И родовита, княжна из Белозерских. Она может составить счастье любого, – Дмитрий Осипович, как-то странно улыбнулся половиной рта, той особой асимметрией, которая была присуща его лицу. – Пойду, найду того, кто бы представил тебя ей. Закрутилось, – как бы о себе произнес Крекшин. Истомин очнулся и невнятно пробормотал.

– Ступай, ступай ...

Княгиня Аграфена Петровна Волконская, великая интриганка, но чрезвычайно романти-ческая особа, с радостью согласилась представить Истомина. Прасковья Тихоновна обратила внимание Сони на приближающихся господ.

– Позвольте Вам представить, Прасковья Тихоновна и Софья Павловна, Ивана Васильевича Истомина и его друга Дмитрия Осиповича Крекшина.

Оба поклонились. Крекшин сразу же отошел, заняв удобное место для наблюдения за знакомством. Это больше походило на то, как если бы полководец занял высоту для руководства боем. Аграфена Петровна заговорила с Прасковьей Тихоновной. А Соня, как когда-то Евдокия, смотрела на Истомина широко распахнутыми глазами. Иван пытался ободриться, как смог улыбнулся, и начал беседу.

– Сейчас будет аллеманд. Софья Павловна, имею честь пригласить вас, – он ещё раз поклонился.

– Имею честь принять ваше приглашение.

Она склонилась в глубоком реверансе, унимая волнение. Зазвучала музыка и они поспешили влиться в поток танцующих. В это время в зал вошли Варвара Михайловна Арсеньева и Велигорова. Первое что, увидела Евдокия, были довольные танцующие Софья и Иван.

– Расторопна эта Сегорская, – прокомментировала Арсеньева. – Все только и судачат о том, что эта княжна за богатым мужем приехала в столицу.

– Что с того. Дело молодое, – тихо проговорила Евдокия, – да и Ивану Васильевичу давно пора остепениться.

– Ну, может дело и молодое. Только Истомин ей не пара. У него, что есть? Красота, дом в Москве, да государева служба. А она княжна, богатая да родовитая. Не пара он ей.

Евдокии не хотелось продолжать этот разговор.

– Пойду, я.

– Отчего так рано? Указа государева не соблюдаешь, – улыбнулась Варвара Михайловна.

– Нездоровиться мне что-то, – проговорила тихо Евдокия, глядя то на Истомина, то на улыбающуюся княжну.

– Ну, ступай. Неволить тебя не стану.

Арсеньева проводила Велигорову до двери. Евдокия вышла на улицу, и направилась к Неве, туда, где находились лодки. Летний вечер был теплый и ласковый. Начало лета порадовало потеплением и хорошей погодой. Велигорова прошла мимо фонарей, которые в темное время суток освещали улицу горящими в конопляном масле фитилями. Ох

уж эти фонари. Это был настоящий прогресс – масляные фонари. В Париже в это время на улицах все ещё горели свечи. Заведовал установкой такого освещения генерал – полиц-мейстер Санкт-Петербурга Антон Мануилович Девиер. Но стоили они очень дорого, и поэтому Сенат в 1723 году переложил бремя их покупки и содержания на жителей столицы. Как бы там ни было, в столице по вечерам стало светлее, а в Москве все еще царила темнота, которая будет развеяна только в 1730 году по приказу Анны Иоанновны.

Евдокия шла медленно, ей казалось, что где-то остановились некие часы, и ей никак не удастся дойти до нужного места. Но вдруг сзади она услышала чей-то приятный мужской голос.

– А что госпожа, не хочет ли заморских сладостей?

Женщина невольно обернулась на голос. И увидела перед собой приятное лицо молодого мужчины, пристально смотрящего на неё горящим добрым взором. Он протянул ей коробочку заморских фруктов в сахаре.

– Кто ты? – настороженно спросила княгиня. – Что тебе нужно?

– Мы люди вольные, – с достоинством заявил мужчина. – Вот, возьми, заморской снеди, говорят женщинам, надобно есть сладкое, дабы лицо было веселее.

Велигорову немного раздражало бесцеремонное поведение мужчины. Но она в растерянности приняла подарок.

– Да ты не робей, я не обижу, – мужчина улыбнулся.

– Может, назовешь мне свое имя, – Евдокии пришлось сделать шаг назад от мужчины, поскольку он подошел к ней слишком близко.

– Скажу, отчего же не сказать – то. Люди зовут меня Енай Бравлин.

– Енай Бравлин. Занятно. Ты, чай, не из казаков?

– Я волю люблю более всего на свете, – уклончиво проговорил Енай. – Вот и тебе княги- нюшка, волюшку то надобно познать. Тем паче, что Федор Матвеевич и знать тебя не желает, и защиты тебе искать не у кого.

– А ты мне что, в защитники набиваешься? – настороженно проговорила Велигорова.

– Да, княгинюшка, я и защитить могу. Ты не сомневайся.

Молодая женщина была сбита с толку. Она озадаченно взглядывалась в ладный стройный силуэт молодого мужчины. Его черные кудри спадали на плечи. Стройное крепкое тело говорило о том, что он мог и в бою сдюжить, и хлебушек посадить. Было ему вероятно около двадцати пяти лет. Он говорил с ней как-то странно, ровно хотел сбить её с толку, выставляя напоказ грубоватый мужицкий говор. Княгиня скорее почувствовала, чем поняла, что он знает многое про её жизнь. Но это открытие не испугало её. За показной бравадой чувствовалось что-то доброе, сдержанное и настоящее.

– Что ж Енай Бравлин, благодарствую, – растерянно проговорила Велигорова, посматривая в сторону нескольких лодок.

Енаю не хотелось отпускать молодую женщину, но он поймал себя на мысли, что для первой встречи этого разговора достаточно.

– У меня есть знакомый лодочник. Он может быстро переправить тебя на другой берег. Енай пошел к причалу, спустился к воде, и уже оттуда махнул ей рукой. Княгиня подошла и села в лодку.

– Садись попроворнее, княгинюшка.

Евдокия удивленно посмотрела на нового знакомого. Лодка двигалась споро. На том берегу её ожидал кучер и её старенькая скрипучая карета. Бравлин помог женщине выйти из лодки, и проводил её до кареты. Он видимо хотел что-то еще сказать, но замялся, глядя на Евдокию, как если бы ему не хватило воздуха.

– Пойду, я княгинюшка, пора мне, – неожиданно прозвучал глуховатый голос молодого мужчины. Он тряхнул головой, как бы красуясь кудрявой роскошной шевелюрой, и поспешил скрыться из вида. Евдокия настороженно смотрела в след уходящему мужчине, и долго еще думала об этом странном знакомстве, пока ехала домой. Маленький дом княгини Велигоровой не выделялся не роскошью, не величиной. Два этажа смотрели простенько и не притязательно. Она зашла в дом, зажгла свечи, прижав к себе коробочку с заморскими сладостями. Молодая женщина покрутила коробочку и улыбнулась. Поди, большие деньги отдал за подарок. Коробочка – то заграничная. Такими сладостями

её иногда угощала Варвара Михайловна. Евдокия раскрыла окно в покоях, наполняя комнату теплым летним вечерним воздухом. Град Петра готовился отдохнуть от дел праведных и неправедных. Вдруг кто-то спрыгнул с подоконника. Это был подвыпивший Лецкий.

– Имею честь появиться из окна. Государь велел всех упитых складывать бережно.

– Отчего через окно? Итак, весь Петербург болтает невесть что, – вскрикнула Евдокия.

– Одним словом больше, одним меньше.

– Да и какой ты упитый. Не щадишь моей репутации, – недовольно выговаривала Евдокия

– Я тоже ныне не в чести. Повеса, искуситель молодых особ, пустой человек.

Лецкий сел на пол подле княгини, заглядывая ей в глаза.

– Твой Истомин положил глаз на Сегорскую? Хочешь, я её соблазню? Он тогда и не пос- мотрит на неё.

Упоминание об Истомине вернуло Евдокию в действительность.

– Не говори глупостей! Не позорь памяти своего дяди архимандрита Досифея¹⁰.

– Память дяди. Они колесовали такого человека в угоду антихристу! И моих всех, всех до единого Глебовых, били, глумились, один я уцелел. Зачем?

¹⁰ В миру Деомид Глебов, приговорен к смерти по делу царевича Алексея, и казнен в Москве на Красной площади в 1718 году.

– На то высшая воля. Помнишь, как мы приехали в Псково-Печерский монастырь. Бог познакомил нас с тобой через моего Федора. Мы тогда только обвенчались, и мой муж хотел, чтобы наш брак начался с посещения святого места.

– Да. Я помню. Я тогда был болен, а вы привезли мне весточку от моей матери. Это стало для меня великим утешением. Моя матушка, наверное, отдала последние грошки для того, чтобы её знакомый дьячок написал мне письмо.

– Ты был таким худеньким послушником. Одни глаза на лице.

– Чтобы я делал в этом каменном городе без моей названной любимой сестры, – тихо произнес Алексей. Мне рассказывали, что родственник твоего мужа Яков Игнатъев и мой дядя Деомид Глебов были настоящими друзьями, мечтали о великих свершениях.

Евдокия помогла подняться Алексею.

– Знаешь, Яков Игнатъев¹¹ добрался до высокого звания. Что может быть почетней, чем быть духовником царевича?

– И ты доберешься. И твоя судьба Алексей улыбнется тебе. Федор верил в такие вещи. У нас с ним похожие истории жизни. Наши матери далеки от дворянского звания, – тихо проговорила Дуня.

– Мы все далеки от этого звания, – тихо проговорил Лец-

¹¹ Яков Игнатъевич Игнатъев – протоиерей, духовник и ближайший советник царевича Алексея, приговорен к смерти по делу царевича Алексея, и в 1718 году обезглавлен на Троицкой площади в Санкт-Петербурге.

кий, – но в нас живет сила русской земли, и лучшие из нас, такие как протопоп Яков Игнатьев достигают больших высот, если бы не последние времена, казни и гонения.

– Его обезглавленное тело до сих пор лежит на эшафоте там, на Троицкой площади не упокоенное, – с горечью вздохнула молодая женщина.

– Так же как и этого гренадера Семикова, который объявил себя выжившим царевичем Алексеем. Многие тогда поверили, что Алексей Петрович выжил, и скоро придет избавление от антихриста.

– Но не пришло. Этого гренадера казнили в ноябре двадцать пятого года¹². Голову отрубили, – грустно прокомментировала Евдокия. – Но ты-то живой, благодаря Божией милости. Возможно, и ты спасешь чью-то жизнь, как Бог спас твою. Вот тогда и наступят твои свершения.

Евдокия обняла Алексея и стала гладить его по голове, как брошенного расстроенного ребенка.

– Вы спасли меня. Бог и ты. Да еще фальшивые бумаги на имя князя Лецкого.

Обнимая расстроенного Алексея, Велигорова, вспоминала, как канцеляристы, решив посмеяться над молоденькой испуганной женщиной, заставляли её наводить порядок, перебирать и подшить дела, по розыску царевича Алексея, привезенные из Москвы поручиком Потеневым, сданные им генералу Бутурлину, и оказавшиеся в последствие в тайной

¹² 22 ноября 1725 года.

канцелярии. Евдокия выполнила все, что от неё требовалось. Канцеляристы остались довольны. Но и про Алексея она не забыла. Допросные листы, говорящие о родственниках архимандрита Досифея были аккуратно изъяты.

– Тише, успокойся. Знаешь, к субботе придет Андрей.

– Верейский? Давненько его здесь не было. Отец-то Василий Семёнович сбежал из столицы. Подальше от царей голова будет целей.

– Полно тебе, Алексей, – утешала его Евдокия.

Алексей, не сдерживал слезы. Он прижался к Евдокии, как если бы она была его матерью или сестрой, и уставился в одну точку. Слезы горечи текли по его щекам, не облегчая мучения его сердца. В этот момент обнявшись сидели две человеческих жизни, попавшись под каток государственной машины Петра Первого, которая никого не пощадила. Эти две жизни, пытались найти друг в друге тепло, опору и жизненные силы, отнятые по «делу царевича Алексея» справными слугами Тайной канцелярии.

В полночь Софья, вернувшаяся с ассамблеи, не могла заснуть. Мягкие подушки раздражали её своим спокойствием. Она металась по постели и, в конце концов, села. В её голове проносились события дня: Лецкий со своими шутками и Истомин, который пригласил её с тёткой на субботний парадиз, заведенное ещё по указу Петра катание по Неве на парусных и гребных судах. Иван Васильевич поражал Сою каким-то мрачным вулканическим обаянием. А Лецкий с

ним просто и легко, будто крадёшь запретный плод. Софья и не подозревала, что ей так нравится красть запретные плоды. Сегорская важно поднялась с постели.

– Ничего из миленькой простушки я ещё стану светской дамой. А Истомин и Лецкий просто первые. Первые. Сегорская обошла Волконскую и Модестину Монс. А вы слышали, в неё влюбился сам Левенвольде¹³, а князя Голицын и Нарышкин дрались из-за неё! А Барятинский Сергей чуть не покончил с жизнью. И тогда весь Петербург будет говорить только обо мне одной!

Софья на миг торжественно замерла, и плюхнулась под одеяло. А когда она уснула, ей грезились её будущие победы и бесконечные маскарады и ассамблеи. А между тем суббота наступила быстро. День выдался замечательный. Солнце ласкало летним июньским теплом. И потому на парадиз собрались почти все придворные и богатые жители столицы. Судно Екатерины Первой, украшенное по борту цветами важно плыло по Неве. На корме два музыканта выводили модную мелодию. Рядом с государыней восседал её фаворит тридцати трех летний Левенвольде Рейгольд Густав. Он что-то говорил императрице, она благосклонно улыбалась. Никита Федорович и Аграфена Петровна Волконские издали наблюдали за Екатериной, когда заметили гребковую лодку Истомина.

– Посмотри, Никита, а Сегорская то, далеко пойдёт, кра-

¹³ Фаворит императрицы Екатерины I

савица, и своего не упустит.

– Род то её крепкий, княжеский, Истомин ей не чета, худороден, и не богат.

– Зато Софья и Иван красивая пара, а зная Истомина, думаю ему давно пора семьей обзавестись, – предположила Аграфена Петровна, глядя в сторону лодки Истомина.

Прасковья Тихоновна задремала или сделала вид. Софья сияла новеньким, цвета молодой зелени, платьем. Нанятые слуги налегали на весла. Истомин сел рядом с Сегорской, взял её за руку. Иван Васильевич как-то грустно посмотрел на Соню. Иногда, казалось, что он не видит её вовсе, а смотрит куда-то внутрь себя. Заметно было, что он нервничает, будто боясь совершить ошибку. Впрочем, Софья, упиваясь своими мечтами, вовсе не обращала внимания на состояния Истомина. Она просто ожидала того момента, когда можно оторваться от своих грез, и выслушать слова Ивана. Это же её победа, виктория. Ну же Истомин, где твои признания. Но у Ивана плохо получалось совладать со своими сомнениями. И поэтому молчание тянулось до тех пор, пока Софья не подняла счастливого взгляда на предполагаемого влюбленного в неё красивого мужчину. Этот взгляд привел Ивана в чувства, и он, наконец, решил начать разговор.

– Обычай требует от меня, Софья Павловна, долгих и пространных речей. А мне бы хотелось сказать коротко. Не считите это за дурное воспитание или оскорбление.

– Отчего же, говорите, как полагаете нужным, – Софья,

играя в смущение, отвела взгляд.

– Софья Павловна могу ли я считать вас своей невестой? – голос Истомина пресекся, будто он сказал эти слова не той женщине, и не так как этого хотел.

Но Софья и на это раз ничего не заметила. Да важно ли это, ведь у неё такие планы. Ей еле удалось скрыть радость, она готова была подскочить от переизбытка чувств, ведь грезы становились реальностью, но ей пришлось надеть маску недоумения.

– Так скоро, Иван Васильевич? Ведь мы едва знакомы, – голос Сегорской, мог бы выдать её лицемерное удивление. Но Истомин не заметил этого. Он ровно боролся с чем-то внутри себя, и это забирало все его силы. Так, что на другое ничего не оставалось.

– Не мучьте меня, скажите только да или нет. Согласны ли вы быть моей невестой?

Сегорская сделала вид, что задумалась. Посмотрела вокруг, на воду, на другие лодки, на дома, сосредоточенно помолчала, и потом притворно смущённо, улыбнувшись, сказала.

– Да, согласна, несмотря на столь скорое предложение, и нарушение должных приличий.

Истомин механически натужно улыбнулся, и через силу стал развлекать свою даму светской беседой. Что до Софьи, то она слышала только, как внутренний голос говорил ей: «Полная виктория! Ура! Ура! Победа! И сколько их еще бу-

дет!» Парадиз скоро завершился, и после обеда около четырёх часов, Истомин и Александр Львович Нарышкин прогуливались по Летнему саду. День был отменный. Императрица распорядилась поставить стол со сладостями с северной стороны в средней из трёх галерей. А в двух других столы с холодными закусками. Сама Екатерина расположилась у первого фонтана самой широкой аллеи сада. Гуляния продолжались. Нарышкин лукаво улыбался.

– Нашел себе невесту, говоришь. Давно пора. Поздравляю. Петербургские языки уже разнес ли слухи о её достоинствах. Твоя Софья Павловна далеко пойдёт, может и в фрейлины? А?

Истомина не радовал разговор, но он уже выглядел значительно веселее. Его красивое лицо было не так мрачно.

– Фрейлина. Нет, я бы не хотел, чтобы моя невеста стала фрейлиной.

– Не запрешь же ты её дома, дабы никому не показывать? – смеялся Нарышкин.

– Запирать не стану. Но я против того, чтобы она часто бывала при дворе.

– Не рано ли ты, друг мой, распоряжаешься её судьбой? А вдруг, как её родовитые родственники не захотят такого зятя?

Истомин отрицательно покачал головой.

– А знаю, знаю. Наш Иван красавец и щеголь. Любая с радостью выйдет за него, – Нарышкин пребывал в веселом

настроении.

– Женщины глупы. Они мечтают о любви, и этим завсегда можно воспользоваться, – пари- ровал Иван.

– Каков! Вот уж не знал, что мой друг охоч до глупых женщин.

– Может она и глупа, но зато богата, родовита и красива, – Истомин пытался казаться праг- матичным человеком.

– Смотри Лецкий, – Нарышкин указал на проходящего Алексея. – Он выглядит смешно. Не находишь?

Ивану было не до Лецкого. Для него этот день казался бесконечным, и немного нудным.

– Не нахожу. Пустой человек не более. Это же не всешутейший князь-папа Бутурлин.

– Бедняга, мой брат женил его на карлице? – Нарышкин был весел, и даже был не против позлословить, – Ба, а вот и карлица.

К Лецкому подошла Велигорова. Истомин пристально посмотрел на Евдокию.

– Если бы ... женил, – тихо многозначительно проговорил Истомин.

Нарышкин перестал улыбаться.

– Мало ли, что о ней болтают. Я полагаю, презирать её не стоит.

Истомин продолжал смотреть на Велигорову, его взгляд был полон отчаянья. В это время Евдокия в малиновом атласном расшитом серебром платье смотрела на Алексея.

– Ты голодна? – спросил Лецкий, заметив поодаль стоящих Истомина и Нарышкина.

Она кивнула головой.

– Подожди меня, я принесу закусок, – Лецкий удалился.

Велигорова сорвала листок с куста, покрутила его в руке. Она вдруг почувствовала, что кто-то стоит за спиной. Евдокия обернулась, и «укололась» о сосредоточенный взгляд Истомина. Несколько секунд они продолжали смотреть друг на друга. Княгиня почувствовала неловкость и опустила взгляд.

– Чем обязана, столь неожиданному визиту?

– Хочу узнать, когда вы покинете Летний сад? Ваш облик навевает слишком много печальных воспоминаний. Это невыносимо!

– А я напротив, рада вас видеть, – Евдокия поклонилась, – Это такая честь для княгини Велигоровой, – ответила молодая женщина, стараясь придать голосу беззаботности.

Истомин был беспощаден в своем порыве.

– Ты сама во всём виновата!

– А вы мните себя добрым самарянином?

– Я ненавижу тебя! – проговорил Иван, так как если бы объяснялся в любви, с которой невозможно справиться, – Ты превратила мою жизнь в ад!

Евдокия подняла удивленный взгляд.

– Опомнитесь! Вы скрылись далече от мест жарких. Бежали так поспешно, даже друга не известили.

Слова Евдокии прозвучали укором для Истомина. И Истомин был несколько обезоружен. Его праведный гнев смилился на невольное молчание. Нарышкин, следивший изда- лека за их диалогом, и, не желая брани, поспешил на выручку. Он увёл Истомина и извинился перед Евдокией. Княгиня была расстроена, и в смятении своих чувств, она не заметила Еная, который, не отрываясь, следил за происходящим, из своего надежного укрытия в густых зарослях. Не дождавшись Лецкого, она поспешила уйти, вытирая слезы. Енай пос- ледовал за ней. Евдокия спряталась в одиноко сто- ящей беседке, в дальнем углу сада. Ей не хотелось, чтобы кто-то нарушил её уединение. Она прижалась к деревянному столбу и тихо заплакала. Её худенькие плечи содрогались от горьких рыданий. Енай подошел к ней сзади близко и без- звучно, как приведение. Видеть её слезы было выше его сил. Неожиданно, он развернул её к себе, и начал целовать. Ев- докия была ошеломлена. Она ничего не понимала. Это бы- ло настолько внезапно, что женщина не понимала, что ей де- лать. Енаю пришлось приложить значительное усилие, чтобы обуздать свой страстный порыв. Он перестал целовать мо- лодую ошарашенную женщину, но никак не мог выпустить её из своих объятий. Велигорова с изумлением широко рас- пахнутыми глазами, в которых застыли слезы, смотрела в го- лубые добрые глаза мужчины, замороженная его порывом, и молчала.

– Не плачь, княгинюшка, – только и смог вымолвить Енай,

с трудом разжимая свои объятия, – пойдю я.

Мужчина отступил, борясь со своими эмоциями, и не оборачиваясь, быстро ушел, скрываясь в зеленых зарослях. Евдокия изумленная, смотрела на уходящего Еная. К шести часам вечера в Летнем саду выстроились Преображенский и Семёновские полки. Собрались все. Екатерина решила повторить обычай, заведённый мужем – стала угощать солдат, поднося собственноручно в деревянных чашках пиво и вино. Софья, как замороженная смотрела на диковинное действие. Прасковья Тихоновна не одобрительно качала головой. Но сказать, что-либо вслух не смела, знала, вездесущие люди Ромодановского донесут начальнику Преображенской канцелярии, и тогда уж ей учинят там допрос с пристрастием. В подтверждение её мыслей она увидела князя Дмитрия Михайловича Голицына с мило улыбающимся Андреем Ивановичем Ушаковым, который недавно прибыл из Москвы. Тут же стоял дворцовый художник Иван Никитин, пытающийся набросать портрет генерала Ивана Ивановича Бутурлина, любимца государыни. Командир Преображенского полка, нехотя позировал, но воля Екатерины обязывала. Время подходило к ужину, столы стали уставлять холодными закусками, и появилось в изобилии заморское вино. На главной аллее появилась пугающая процессия. Рослые grenадеры гвардии несли ушаты простой хлебной водки, за солдатами шли майоры гвардии и предлагали всем выпить по чарке за здоровье их полковника. Дамы в ужасе пятились

от процессии, ведь эта чарка была обязательна и для них. Тех, кто упирался, поили насильно, а самым упрямым лили водку прямо на голову. Всё это происходило с шутками и дружным смехом гренадеров. А в открытой галерее на берегу Невы, начинались танцы. На лугу с треском и шумом ракет и римских свечей разгорался фейерверк. Софья с трудом, выпив свою чарку, пошла разыскивать жениха. Прозвучал сначала менуэт потом польский танец. Истомин, молча, следил за танцем, когда к нему подошла слегка шатающаяся Сегорская. Её взгляд лихорадочно блуждал по двигающимся фигурам. Софье хотелось внимания Ивана, его восхищения, бурных признаний, а он молчал. Вскоре зазвучал контрданс, но Иван всё также был в оцепенении, и практически не замечал невесту. Он только обратил внимание, что сначала откуда-то вернулась Велигорова, а потом некто подошел к ней. Пришедший человек, вызвал в Евдокии недовольство, но она ожидающе смотрела на мужчину в синем кафтане. Он тихо и вкрадчиво повёл беседу.

– Вас в понедельник ждут в Преображенской канцелярии.

Мужчина также внезапно исчез, как и появился. Велигорова не хотела думать про дела Преображенской канцелярии, её мысли возвращались к Енаю Бравлину. Он тронул её сердце. Евдокия чувствовала, как будто кто-то неведомый зашивал сотней маленьких невидимых иголочек, раны её измученной, истерзанной души, и ей впервые за много лет, становилось легче дышать и жить. Тем временем разговор Со-

фьи и Ивана не клеился. Сегорская хотела танцевать, а Истомин, чтобы уйти от объяснений с невестой, вызвался сходить за сладостями для неё. Оставленная без необходимого ей внимания, Сегорская без цели пошла, гулять по аллеям, направляясь в самые удаленные уголки. Вокруг бушевала зелень, лето смело входило в свои права. Можно было бы всем этим любоваться, но Софья Павловна, изрядно опьяневшая, чувствовала себя немного уставшей. Её рассудок вещал ей о возможных очередных победах и планах. Вдруг прозвучал приятный голос.

– Неужели, сударыня, вам не страшно одной?

Сегорская оглянулась и увидела приятного молодого мужчину лет тридцати с лучистым взглядом и профилем, ровно с иконы. Это было так неожиданно для неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.